

ГОРОДСКАЯ ПРОЗА

АЛЕКСАНДР ВЕЛИН

**СЕРДЦЕ
ДЕМИДИНА**

Издательство АСТ
Москва

Часть первая

Ольга

Лель так и не смог преодолеть свое нежелание написать сказку. Он ещё много чего начинал и не завершал, но однажды всё-таки написал книгу о своей музе, настолько романтическую и глупую, что Наина Генриховна посмеялась бы над ней, если бы её прочитала.

Но был там один фрагмент, который мог бы показаться ей интересным. Лель постарался представить себе, какой была душа его музы до того, как она появилась на свет.

«Душа готовится к путешествию. Она счастлива, она знает, что всё окончится хорошо. “Я вернусь”, — говорит она. “Не забывай нас”, — говорят собирающие её в дорогу. “Не забуду”, — отвечает душа.

Их любовь согревает её, как плащ. “Я готова”, — говорит она. — “Я справлюсь”. — И делает шаг вниз, сквозь первый облачный слой.

...Туда, где свет пронизывает тёплое первозданное молоко, в котором она очутилась, океан, белую незапятнанную жизнь, вечную возможность рождения.

Её будущее цветение внизу только предчувствуется. Здесь так хорошо, так уютно. Душа празднует, соглашаясь на возможность телесного зрения, и впервые забывает о своих крыльях. Но ведь они всегда будут с ней, невидимые.

Теперь душа — младенец, уже девочка, уже человек, и ей хочется спать. Будущее рождение — тоже сон. Её веки закрыты, но сквозь них брезжит розовое. Она опять в океане, телесном. Прекрасный, как восход солнца, человеческий зародыш, дремлющий в утробе матери...»

Глава 1

Бахиана

Владимиру Понятых (1962 года рождения, русский, не привлекался, не имел, холост, аспирант) нравилось жить отдельно от родителей.

Детство у него было сложным. Мать почти ежедневно срывалась на крик и слёзы, а отец начинал горячиться, метаться по комнатам и собирать вещи, чтобы уйти. Он так и не ушёл никуда, и родители продолжали стариться вместе. Сил у них поубавилось, самолюбие поутихло, и оказалось, что они вполне подходят друг другу. Но на Вовкиной душе остался болезненный отпечаток, нечто вроде ожога.

С детства он приучился бояться женского крика. Если бы его попросили представить смерть в человеческом обличье, он, наверное, вообразил бы худую истерическую женщину с заплаканным лицом.

Из-за домашних скандалов он научился погружаться в себя, стал больше читать и полюбил серьёзную литературу, хотя таких писателей, как Достоевский и Чехов, читал неохотно. Особенно Чехова, герои которого — хорошие, между прочим, люди — терзали друг друга со свирепой обречённостью, словно гладиаторы.

У Вовы Понятых была небольшая тайна. Иногда по радио передавали арию, названия которой он никак не мог расслышать — то радио не вовремя выключали, то оно звучало издали и слова ведущего невозможно было разобрать. Каждый раз эта ария потрясала его — чистый женский голос лился, казалось, из каких-то высших миров, наполняя душу надеждой и красотой.

В этой музыке была его родина, мир, в котором люди — или, может быть, ангелы — жили настоящей жизнью. Там не было места бессмысленным семейным драмам. Он представлял себе кроткий и любящий лик и удивительные, полные понимания и мудрости глаза. Эта мелодия постепенно стала для него талисманом — не то чтобы он всегда помнил о ней, скорее, она сама

напоминала ему о себе и слышалась то из раскрытого окна дома, то из проезжающей мимо машины.

Когда он оканчивал школу, он мечтал о том, чтобы уехать учиться в Москву — прежде всего для того, чтобы жить подальше от родителей. И вдруг в его школе, как трое из ларца, появились трое коротко подстриженных мужчин в серых костюмах и под большим секретом сообщили ему и ещё двоим его одноклассникам, что они, если пожелают, могут попробовать сдать вступительные экзамены в Высшую Краснознамённую школу КГБ.

Оказывается, их уже негласно проверили на пригодность с точки зрения психологических качеств и родственных связей.

Работа в КГБ представлялась Вовке в самых романтических красках. Отец был за него горд и советовал поступать на отделение связи, так как считал, что будущее за техникой. Мать не хотела расставаться с сыном, она страдала и плакала, но в конце концов тоже согласилась. Вова сдавал экзамены с трудом, но всё-таки поступил — единственный из своей школы.

Учиться оказалось трудно. С теорией у него дела шли хорошо, но приходилось вызубривать технические параметры всяких приборов и радиостанций, чего Вовка терпеть не мог — его память не желала хранить сухую информацию — такую, например, как номера телефонов, адреса или даты. В конце концов он провалил экзамен и затем, после неудачной попытки пересдачи, его отчислили.

Тогда он поступил в университет, и снова началась учёба, уже не такая трудная, студенческие приключения и внештатная работа на КГБ.

Несмотря на некоторую разницу в возрасте и деньгах, Вовка охотно снисходил до того, чтобы пошляться и выпить с однокурсниками. Деньги он зарабатывал сам — его родители были пенсионерами, жили в Твери и помогать ему были не в состоянии, а зарабатывал он, выменивая у иностранцев за матрёшки джинсы и косметику.

В те времена за такой невинный бизнес можно было схлопотать большие неприятности, но Понятых всё

сходило с рук, потому что он писал в КГБ отчёты о настроениях в студенческой среде.

Надо сказать, что вреда это никому не приносило, поскольку эти отчёты никто, кроме его начальника — старшего лейтенанта Конькова, не читал.

Однажды он ехал в переполненном автобусе на встречу с Коньковым. Автобус двигался медленно, и Вовка беспокоился, что опоздает. Здоровенная кондукторша возвышалась на своём сиденье и, оглядывая спрессованных пассажиров, командовала:

— Билетики не забываем показывать. Показываем билетики.

— Мужчина, ваш билетик! — обратилась она к невзрачному мужичонке, стоявшему рядом с Понятых.

Тот засунул руку в карман и вдруг залился краской.

— Ё-моё... — промямлил он.

— Би-ле-тик, — медленно повторила кондукторша, чувствуя жертву.

Мужичонка попробовал бочком протиснуться к выходу.

— Серёжа, не открывай дверь! — закричала кондукторша ужасным голосом.

Автобус подъехал к остановке и остановился, но водитель Серёжа двери не открывал.

— Был у меня билет, — обречённо бубнил мужичонка, хлопая себя по карманам. — Вот был же...

— Ищите, ищите, — ехидно сказала кондукторша. — Все пассажиры будут вас ждать. Или платите штраф.

— Что же это такое, товарищи! — возмутилась интеллигентного вида дама, прикрывая книгу, которую она только что читала. — Возможно ли, чтобы из-за одного человека задерживался весь автобус?

— Пусть найдёт свой билет, — ехидно сказала кондукторша.

Она почувствовала, что дама на её стороне, и подмигнула ей.

— Я за него заплачу, — решительно сказал усатый мужчина в кожаной куртке. — Мало ли, что за проблемы у человека. Может, он деньги дома забыл.

— Нет! — трубно вскричала кондукторша. — За других платить не разрешается.

— Каждый гражданин имеет право платить за другого, и никто не должен ему мешать. В конце концов, это антиконституционно, — вмешался очкастый мужчина.

— Серёжа! — закричала кондукторша. — Подтверди, что за других платить не разрешается.

Серёжа включил динамик и подышал в микрофон.

— За других платить не разрешается, — лениво сказал он.

Мнения пассажиров разделились. Меньшинство считало, что в демократической стране люди вправе давать свои деньги кому пожелают, а большинство — что нельзя поощрять паразитов, желающих проехаться за чужой счёт.

— В Англии любой человек может заплатить за кого захочет, — гнул своё интеллигент.

— В Англии без билета ездить позор, — отрезала кондукторша.

— Это в Японии, — вмешался бледный молодой человек с мушкетёрской бородкой.

— Сначала человек за билеты не платит, потом ворует, а потом... потом он может предать Родину, — сказала прозрачная, словно вырезанная из бумаги, старушка.

— Пусть или билет показывает, или штраф платит, — заявила кондукторша, — а то я милицию позову.

Водитель Серёжа заскучал и принялся насвистывать что-то, так и не выключив динамик, но через пару минут одна беременная пассажирка предупредила, что скоро может родить от этого чудовищного свиста. Серёжа перепугался и, чтобы разрядить обстановку, врубил радио. Шла какая-то политическая передача.

— Телятница совхоза «Рассвет» А. С. Рудакова прислала в редакцию письмо на имя президента США. «До каких пор, господин президент, — спрашивает товарищ Рудакова, — вы будете вынашивать планы по установлению американского господства в Ливии?»

Серёжа снова покрутил настройками, меняя волну, и вдруг послышались последние аккорды той самой

мелодии, вечной спутницы Понятых. Вовка вздрогнул. У него защемило сердце, и ему показалось, что сквозь крышу автобуса проступило усыпанное звёздами небо. Но удивительные звуки уже смолкли.

— В нашей программе прозвучала... — сказала диктор.

Вовка напрягся, вслушиваясь.

— Нашёл! Я нашёл билет! — победоносно закричал мужичонка.

— Поехали, — громко объявил Серёжа.

— ...Номер пять, — говорила диктор.

— ...За подкладкой он был, а в подкладке дыра!

— ...Композитора Вилла-Лобос, — сказала диктор.

— Сколько раз просил жену зашить, — объяснял мужичок.

— Какая только замуж пошла за такого, — пробурчала кондукторша.

«Композитор Вилла-Лобос», — повторял про себя Понятых, выбираясь из автобуса. Он уже опаздывал на встречу с Коньковым.

Старший лейтенант Коньков

Старший лейтенант Дмитрий Коньков ожидал Понятых в явочной квартире, одной из многих, находившихся тогда в распоряжении КГБ. В этой квартире проживал одинокий пенсионер. Пенсионер не имел права знать имена проходящих, и в его обязанности входило отвечать на случайные вопросы соседей, которые могли поинтересоваться, кто к нему ходит в гости. Он должен был ответить, что к нему приехали дальние родственники или бывшие коллеги, или сказать ещё что-нибудь, не внушающее подозрения. Перед приходом посетителей пенсионер заваривал чай, ставил чайник на стол в гостиной и удалялся в свою комнату, стены которой были увешаны изображениями бурного моря и парусных кораблей — в молодости он мечтал стать художником-маринистом.

Когда Понятых наконец явился, старший лейтенант Коньков ожидал его в гостиной. Коньков был невысоким стройным человеком с ясными глазами и очень

светлыми пушистыми ресницами. Было в его облике какое-то кукольное изящество. Он о чём-то размышлял, барабанил фарфоровым пальцем по поверхности стола.

Внушений за опоздание он делать не стал, и Вовкин доклад выслушал, не критикуя.

— Товарищ старший лейтенант, — спросил его Понятых, — вы не знаете, кто такой Вилла-Лобос?

— Это бразильский композитор, — сказал Коньков. — А что?

— Мне нравится одна его ария, — сказал Вова. — Но я не знаю её названия.

— Бахиана Бразилейра номер пять, конечно, — сказал Коньков, улыбнувшись.

— Она! — обрадовался Понятых. — Как вы узнали?

Коньков тонко улыбнулся.

— Это самое известное его произведение, а у меня всё-таки музыкальное образование.

Действительно, Коньков окончил музыкальную школу и любил ходить на концерты классической музыки. Кроме того, он был начитан и неплохо разбирался в поэзии. В докладах начальству он ценил аккуратность, и потратил немало сил, чтобы приучить непоседливого Вову Понятых составлять отчёты в нужном формате. Вова старался, и Коньков получал от работы с ним такое удовольствие, какое хороший учитель получает, наблюдая за усилиями способного ученика. Вовка чувствовал это и ещё больше старался.

У старшего лейтенанта Конькова и Вовы Понятых отношения были доверительными, и когда Вова пересказал несколько ходящих среди студентов анекдотов о правительстве, Коньков позволил себе сдержанно посмеяться. Но когда Вовка перешёл к ходящим по университету сплетням, Коньков уже только изображал внимание: сжимал губы, прищурился, наклонял голову, а сам думал о том, что после этого разговора ему ещё ехать через пол-Москвы на встречу со спиритистами.

Кроме студентов, которыми занимался Вова Понятых, в сферу обязанностей старшего лейтенанта Конькова входили спиритисты, барды, студенты, еврейский

клуб «Шалом и здравствуйте!», клуб реставраторов «Княжичь», кришнаиты и некоторые интеллигентские кружки — вроде кружка поклонников писателя Воянинова.

Спиритисты

Спиритисты, с которыми Конькову предстояло встретиться, были людьми спокойными и культурными. Обычно они собирались у Дарьи Анатольевны (1930, русская, не привлекалась, высшее, пенсионерка) — вдовы академика-пушкиноведа, жившей в доме сталинской постройки на Юго-Западной.

Стены квартиры Дарьи Анатольевны украшали фотографии покойного мужа и полочки, заставленные многочисленными керамическими ангелами, которых её муж когда-то коллекционировал.

Кофе Дарья Анатольевна умела готовить разными способами — по-гречески, по-турецки, с солью, с холодной водой для особого вкуса, так, как пьют французы, и так, как пьют англичане. Конькову по-всякому нравилось, но больше всего он любил, когда было много молока. О своих плебейских вкусах он не распространялся, чтобы не позориться среди местных аристократов. О приготовлении кофе здесь говорили с придыханием, с прищуриванием, чуть ли не с подмигиванием, как о священнодействии, понимание которого доступно только знатокам.

Димочка Коньков нравился Дарье Анатольевне. Она всегда испытывала слабость к хрупким мужчинам, и Коньков напоминал ей фарфорового ангела. Когда она глядела на него, то часто думала о том, что и он, возможно, не жилец на этом свете, и о том, что мужчины умирают раньше женщин, которым остаются одиночество, воспоминания и печаль. Поэтому, когда Коньков появлялся у Дарьи Анатольевны, рядом с ним волшебным образом всегда оказывалась вазочка с ореховым печеньем и шоколадными конфетками.

Спиритические сеансы были похожи один на другой — приглушался электрический свет, зажигались

свечи и посреди стола на большой лист бумаги с буквами ставилось старинное блюдо. Гости рассаживались вокруг, прикасались к блюду и молчали. В полумраке старшему лейтенанту Конькову казалось, что в комнате становится холоднее, и в такие минуты у него по спине ползали мурашки.

Высокая Дарья Анатольевна возвышалась над сидящими, как минарет.

— Александр Сергеевич Пушкин. Александр Сергеевич Пушкин, — говорила она замогильным голосом. — Вы будете говорить? Да или нет. Да или нет.

В какой-то момент блюдо начинало метаться между пальцами людей, словно затравленный зверёк.

— Я чувствую монаду Александра Сергеевича, — объявляла Дарья Анатольевна.

Коньков не верил в спиритизм, но всё равно ему было неприятно и он ёжился, будто от холода.

Спиритисты задавали духам различные вопросы, например, у того же Пушкина старались поделикатнее выпытать историю его взаимоотношений с женой. Или интересовались авторством сочинений Шекспира, с которым общались на русском языке, что, в общем, всех устраивало, хотя говорили с завистью, что одна переводчица с Тверской для общения с Шекспиром принципиально использует только староанглийский язык.

Большинству из присутствующих было за пятьдесят. Конькову было здесь скучновато, и он мог бы посылать сюда кого-нибудь из своих подчинённых, но спиритисты когда-то стали его первой самостоятельной работой, и он не хотел их перепоручать никому другому. Кроме того, он привязался к Дарье Анатольевне.

К сожалению, духами поэтов и писателей дело не ограничивалось и к блюду время от времени призывались тени политических деятелей.

Дух Ленина, например, всё чаще донимали, вполне ли он доволен положением дел в Советском Союзе? Кто ему нравится больше — Ельцин или Горбачёв? Что теперь ему кажется лучшим: социализм или западная

демократия? Дмитрий Коньков от таких вопросов, сам того не замечая, начинал болезненно морщиться.

Он думал о том, что в один прекрасный день всех этих симпатичных людей разгонят и что лучше бы они в политику не лезли. Чуткая Дарья Анатольевна в такие моменты сочувственно посматривала на хрупкого Конькова и предлагала всем перейти к кофе, чтобы слишком длительное общение с духами не повредило ауру присутствующих.

У Конькова было много хлопот со спиритистами, не говоря уж об остальных. Кришнаиты получали деньги и литературу из-за рубежа и считались подверженными западному влиянию, а следовательно, враждебными.

Реставраторы икон из клуба «Княжичь» были настроены патриотически, терпеть не могли Запад, но мечтали о восстановлении царской власти, что нервировало КГБ, поскольку всё-таки подразумевало государственный переворот.

А клуб «Шалом и здравствуйте!» был базой Всемирного еврейского конгресса по переманиванию евреев в Израиль. Не то чтобы КГБ или Советский Союз так любили евреев, что не могли с ними расстаться, но, когда те стремились покинуть страну сами, да ещё в возрастающих количествах, было как-то обидно. Кроме того, часто уезжали хорошие специалисты, которых не хотелось терять.

«Шалом и здравствуйте!»

В последнее время Коньков не любил ходить в «Шалом и здравствуйте!», хотя и должен был там появляться под видом изучающего иврит и еврейскую культуру.

Полгода назад там преподавала еврейскую историю Лена, девушка с волнистыми каштановыми волосами и голубыми глазами. Лена рассказывала о хасидских цадиках, и её прекрасные глаза то смеялись, то становились печальными и бездонными.

Дмитрий Коньков слушал её голос и думал о том, что она похожа на тургеневскую девушку середины

девятнадцатого века, да ещё на Василису Прекрасную с обложки книги «Русские народные сказки». Эту книгу маленькому Диме бабушка подарила в первый день школы. Рядом с Василисой Прекрасной был нарисован Иван — крестьянский сын, держащий в руке меч и наступающий аккуратным красным сапожком на чешуйчатую шею Змея Горыныча, который глядел на Василису знойными, с поволокой очами.

Иногда старшему лейтенанту Конькову казалось, что Лена смотрит на него чаще, чем на других, тогда у него захватывало дух и он чувствовал, что краснеет, и начинал ругать себя за непрофессионализм.

Как-то в классе появился румяный молодой человек, облачённый в чёрный костюм и круглую шляпу, похожую на модель планеты Сатурн. Молодой человек оказался Сашей Перельштейном (1962, еврей, холост, высшее, аспирант), представителем общины известного раввина Зяблика-Школьника, давно переехавшего в Нью-Йорк.

Саша обладал длинными, как у телёнка, ресницами и неистощимыми запасами энтузиазма. Лена смотрела на Сашу с уважением, и Коньков томился от ревности. Присутствующие — уставшие после рабочего дня люди, собравшиеся на урок со всех концов Москвы, восприняли Сашино появление прохладно. Саша раздал им книжечки «Краткое введение в иудаизм» и принялся рассказывать истории из жизни своего учителя Зяблика-Школьника.

— Как-то раз, — говорил Саша, хлопая своими замечательными ресницами, — ребе был тяжело болен. Родственники думали, что он умирает. Но вот пришёл к нему простой еврей за советом. Тогда ребе поднялся со своего одра и шесть часов проговорил с ним о его семейных делах.

— Он настолько знаменит, что слава о нём идёт по всему миру! — рассказывал Саша.

Он захлёбывался от восторга, не замечая, что его энтузиазм не передаётся другим. Но старший лейтенант Коньков расстроился. Ему казалось, что Лена ловит каждое Сашино слово.